

Татьяна ЖИХАРЕВА

Красноярск

Заслуженный деятель искусств Республики Крым; член Союза российских писателей, Академии российской литературы, Российского союза профессиональных литераторов. Учитель русского языка и литературы МБОУ «Лицей № 10».

ДИАЛОГ С КЛАССИКОМ

Будьте осторожны со своими желаниями — они имеют свойство сбываться.

«Мастер и Маргарита». Этот роман я перечитываю, наверное, пятый раз. И каждое прочтение — как впервые: новые эмоции, новые впечатления, новые открытия.

«Будьте осторожны со своими желаниями — они имеют свойство сбываться». А ведь это правда. Бывает же такое: чего-то так сильно захочется, и всё делаешь для осуществления этой мечты; но чем больше стараешься, тем сильнее сгущается туман над дорогой, опускаются руки; и только стоит махнуть на задуманное, забыть его, как каким-то чудом всё сбывается. И вспоминаешь: «Ведь это была моя мечта! Так давно хотелось именно этого...»

«Как жаль, что нельзя поговорить с мастером этого шедевра», — промелькнула мысль и растворилась.

Прикрыв книгу, я погрузилась в размышления, воспоминания, а затем в сон.

«Мяу», — и кошачьи усы начали щекотать ухо.

— Кисюля, дай поспать, ещё и будильник не звенел, — отмахнулась от своей кошки и натянула на голову одеяло.

— Мяу, пора пить кофе. Гости заждались.

Это прозвучало так явно, что сон как рукой сняло. Я резко поднялась и увидела при свечном свете на одеяле огромного чёрного кота. «Как появился на тумбочке канделябр?» — промелькнула первая мысль.

— Сударыня, романтическое свидание должно проходить при свечах.

Кот взял меня под руку, помог приподняться с кровати и повёл в столовую, прихватив другой лапой канделябр.

— Укуси меня, чтобы я проснулась, — прошептали мои губы.

— Зачем же такие крайности? — промурлыкал кот. — Вы видите меня, со мной разговариваете. И удивились вы больше не моему появлению, а зажжённым свечам. Разве этого недостаточно?

— Это всё роман. Не стоило читать Булгакова на ночь глядя...

— Ну что вы, сударыня! Идёмте, не каждому выпадает честь побеседовать с мастером.

Трепет свеч осветил столовую. Из-за стола приподнялся человек и поклонился.

— Михаил Афанасьевич?

— Прошу прощения, сударыня, что потревожил ваш сон. Надеюсь, вы не разгневаетесь на моего Бегемота? Он похозяйничал на кухне: приготовил кофе. Присаживайтесь, — и мастер придвинул стул.

— Приготовил на примусе?

— Пх! Обижаете, сударыня. Настоящий кофе готовится в раскалённом песке! — и кот запрыгнул на диван. — Вам сливки добавить?

— Да, будьте так любезны, уважаемый Бегемот.

Кот добавил сливки в мою чашку, а остальные вылил в свою, в которой, как мне показалось, кофе не было.

— Вот видите, — довольно сказал Бегемот, — вы уже обращаетесь ко мне по правилам этикета.

Я улыбнулась:

— «Котам обычно почему-то говорят „ты“...»

— «...хотя ни один кот никогда ни с кем не пил брудершафта!» — продолжил, смеясь, Михаил Афанасьевич.

— Но ведь вы не совсем кот... — я не знала, как правильно выразить свои опасения.

— Вы считаете, — Бегемот облизал сливки с усов, — что я тот, с кем бы не хотелось встретиться ночью, да ещё и пить с ним кофе?

— Не тревожьтесь, — улыбнулся Михаил Афанасьевич, — Бегемотом звали мою любимую собаку. Умнейший был пёс! Мне хотелось увековечить его в своём романе, но он никогда бы не позволил себе устроить пожар в Доме Грибоедова.

— А ещё «кот древнее и неприкосновенное животное»! — гордо сказал Бегемот, открывая новый пакет сливок. — Поэтому мне много позволено мастером. В смысле — Афанасьевичем, — уточнил кот.

— Настолько древнее, что о вас писали ещё в «Апокрифических сказаниях о ветхозаветных лицах и событиях».

На эти мои слова мастер засмеялся, а кот хитро сверкнул глазами.

— Итак, сударыня, вы хотели со мной поговорить, — прищурился мастер.

— Да, но... я даже не представляла, что такое возможно.

— В нашей жизни возможно всё.

— Вы так долго писали этот роман, более десяти лет...

— Оно того стоило, — вставил свою реплику Бегемот. — Зато вы теперь можете лицезреть самого обаятельного кота.

— Михаил Афанасьевич, у вас было так много вариантов названия произведения: «Чёрный маг», «Копыто инженера», «Сын Велиара», «Гастроль Воланда», «Великий канцлер», «Сатана», «Вот и я», «Чёрный богослов», «Он явился», «Пришествие» и ещё несколько других, — почему всё-таки «Мастер и Маргарита»?

— Всё очень просто, сударыня. Любовь сильнее канцлеров и богословов.

— Почему вы сожгли первые рукописи? Читатель теперь никогда не узнает, что было в них.

Мастер улыбнулся:

— Вы же знаете, что рукописи не горят.

— Но рукописи Гоголя сгорели, — возразила я, — и продолжение «Мёртвых душ» так и не увидело свет.

— А это всё потому, — кот поднял лапу, как учитель, — что у Гоголя не было своей Маргариты!

— Михаил Афанасьевич, один из главных героев, Воланд, — представитель тьмы и зла. Но вы так о нём написали, что читатель симпатизирует ему!

— Зло и добро, истина и ложь... Это всё так относительно и субъективно. «Что бы делало твоё добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с неё исчезли тени?» — ответил мастер.

— «Злых людей нет на свете, есть только люди несчастливые», — добавил кот.

— Если честно, читая роман, я больше сочувствовала Понтию Пилату, нежели Га-Ноцри, — прокуратору, который «более всего в мире ненавидит своё бессмертие и неслыханную славу»...

— «...Около двух тысяч лет сидит он на этой площадке и спит, но когда приходит полная луна, как видите, его терзает бессонница...» — медленно проговорил мастер, затем посмотрел в окно. — К сожалению, нам пора, пока не исчезла лунная дорожка.

— Но «праздничную полночь иногда приятно и задержать», — сказала я, пытаясь хоть ненадолго отдалить уход мастера и галантного Бегемота.

Кот вытер салфеткой усы, встал с дивана и поцеловал мою руку:

— Спасибо, сударыня, сливки вкусные, хоть и не натуральные. Натуральные сливки сейчас в магазине не то что редкость, их вообще не существует. Доброй ночи.

— Доброй ночи, — мастер поклонился. — Ложитесь спать и помните: «Всё будет правильно, на этом построен мир».

— «Всё будет ослепительно хорошо», — ответила я. — Доброй ночи.

Занавеска над дверью, ведущей на балкон, заколыхалась от прохладного ветра, и лунная дорожка вкрадчиво начала стелиться в столовую.

«Мяу», — кошачьи усы щекотали моё ухо. Я открыла глаза и увидела свою Кисюлю, будившую меня по утрам. Возле подушки лежал роман Булгакова «Мастер и Маргарита», на который падали лучи утреннего солнца.

— Приснитя же такое, — сказала вслух. — Пойдём, Кисюля, сейчас насыплю тебе покушать.

И мы с кошкой направились в столовую.

На столе стояли две чашки с недопитым кофе: вечером заходила соседка. Я взяла их, чтобы помыть, и застыла на месте: чуть дальше, ближе к дивану, стояла чашка, на дне которой осталось немного сливок.